

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ В АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Материалы XII Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции

Издательство Томского университета

Томск – 2001

к современности времени определяет их морфологическое своеобразие и служит достаточно надежным индикатором степени родственных отношений. Данная территория соотносится с южным западносибирским трегичным очагом расообразования, в котором протекало постепенное сложение того комплекса антропологических особенностей, которые в итоге формируются в устойчивый локально-хронологический тип, характерный для современных томско-нарымских популяций, прежде всего селькупов, чулымских и томских тюрок.

О.Б. БЕЛИКОВА

Томск

О РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ТАЁЖНОМ ПРИЧУЛЫМЬЕ X – XVII ВВ.*

Причудлымье представляет юго-восточную периферию Западной Сибири. Река Чулым, образованная слиянием рр. Белый Июс и Черный Июс с истоками на северо-восточном склоне Кузнецкого Алатау, является наиболее значительным (длиной в 1799 км) правым притоком Оби. По гидрографическим признакам (характер уклонов, протяжённость, общая направленность реки и др.) и физико-географическим условиям бассейна Чулыма исследователи обычно выделяют три основных части: верхнее течение (от истоков до г. Ачинска, района Аргинской луки), среднее (до прямоугольной излучины в месте впадения левого чулымского притока – Кии) и нижнее (до устья Чулыма). Соответственно определяют Верхнее, Среднее и Нижнее Причудлымье. В бассейне реки смыкаются нескольких типов сибирских ландшафтов. В зону южной тайги входят Нижнее и Среднее Причудлымье, причём последний район частично – от Яи на западе до Кии с Четью на востоке – принимает вид лесостепи (Григор, 1953, с. 148). Лесостепные и степные пространства являются основными характеристиками Верхнего Причудлымья, которое в археологической литературе рассматривается как часть Присяяня, занятого Чулымско-Енисейской котловиной. Природно-климатические особенности Причудлымья являются мощным фактором историко-культурных и этнических процессов, протекавших на его территории в эпоху средневековья.

Земли таёжного Причудлымья в современных административных границах включают районы юга Томской области (Молчановский, Асиновский, Первомайский, Зырянский, Тегульдетский), юго-запада Красноярского края (Тюхтетский, Бирилусский, Большеулуйский, Ачинский), севера Кемеровской области (Яйский, Ижморский, Мариинский, Тяжинский).

В XVI – кон. XX вв. усилиями русских землепроходцев, путешественников, учёных-энциклопедистов, представителей отдельных наук – археологии, антропологии, этнографии, языкознания, истории – был создан обширный и разнообразный корпус источников для реконструкции этнокультурных процессов эпохи средневековья в таёжном Причудлымье (нижнем и среднем течениях реки). Здесь сегодня известно около 140 археологических памятников X – XVII вв. (курганные могильники, городища, селища, местонахождения, отдельные находки, «клад»), которые отражены материалами раскопок или полевыми сборами и знакомство с которыми доступно автору по публикациям, музейным коллекциям, архивным документам. Объекты расположены по бережьям Чулыма (от его устья до Ачинска), в бассейнах его крупных левых притоков Яи и Кии, а также правом притоке последней – Чети.

На карте Нижнего Причудлымья исследованные памятники X – XVII вв. распределены более равномерно, нежели в Среднем Причудлымье, меньшая часть которого, административно относящаяся к Красноярскому краю, археологически освещена слабо. Картографические различия объясняются в основном тем, что чулымские земли в границах Томской области изучались археологами планомерно и целенаправленно – на протяжении 22 полевых сезонов в периоды 1945 – 1955 и 1977 – 1993 гг. На этой территории экспедиционные работы томичей В.С. Сияева, А.П. Дульзона, Е.М. Пеняева, Р.А. Ураева, Г.В. Трухина, О.Б. Беликовой и др. были направлены, главным образом, на составление археологической карты и исследование именно средневековых памятников. Полевые разыскания подобного масштаба в бассейне Среднего Причудлымья в пределах Красноярского края не проводились, поэтому здесь обследованные памятники развитого и позднего средневековья немногочисленны. Их эпизодически раскапывали В.Г. Карцов, Г.А. Авраменко, А.В. Циркин, Н.В. Нащёкин (Кудашкина и др., 1991).

На современном этапе исследования археологический материал X – XVII вв. из таёжного Причудлымья определенно разделяется на 2 основные культурно-хронологические группы. Первую представляет среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов X – XIII вв. (Беликова, 1996), объединяющий не менее 11 памятников. В них раскопано 110 курганов и 4 жилища (курганные могильники Калмакский, Змеинкинский, Иловско-Чердатский, Ирский, отдельные комплексы в Берегаевском и Иловском-II, селище Городокское-I), осуществлен сбор материала (Уйдановское и Беляйское городища, Яранкский курганный могильник, Чердатский «клад»). Местоположение большинства памятников тяготеет к одной экологической

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, исследовательский проект № 00-01-00447а.

нише, локализованной на границе нижнего и среднего течения Чулыма – району устьев рр. Яя и Кия. Развитие варианта культуры прошло 3 этапа: X – перв. пол. XI вв.; сер. XI – XII вв.; XIII в. Не исключено, что хронологию последнего этапа несколько удлиняют материалы Чердатского «клада», состоящего из пиришественной и ритуальной посуды (9 серебряных чаш и кубков на поддоне), обломка зеркала и кольца (Отчет археологической комиссии..., 1904, с. 142 – 143), датированного предварительно в диапазоне втор. пол. XIII – перв. пол. XIV вв.

Появление в X в. на землях Среднего Чулыма первых групп кыргызов, продолжение их миграций сюда до кон. XIII в. были вызваны политическими событиями в Центральной Азии, окончанием «эпохи кыргызского великодержавия». В монгольское время среднечулымские земли кыргызов, возможно, были включены в состав владений империи монголов Юань (1260 – 1368 гг.). Об этом позволяет судить Чердатский «клад», вероятно, происходивший из разрушенного погребения, в том числе его тайника. Владельцем вещей был богатый человек, высокий социальный статус которого взаимообуславливался принадлежностью к приверженцам буддизма: на дно одной чаши нанесена первая буква молитвенной буддийской формулы «ом мани падме хум». Для Среднего Приобья это самый архаичный буддийский символ и единственная буддийская надпись эпохи средневековья. Не исключено, что Чердатский «клад» связан с военными поселениями на Среднем Чулыме. После разгрома енисейских кыргызов в 1293 г. юаньским полководцем Тутухой на завоеванные земли стали насильственно перемещать семьи, верные Юаньской династии. Ими могли быть монголы, в империи которых буддизм был государственной религией. Исследование языка чулымских тюрков допускает, что их предки, среди которых предполагаются и среднечулымские кыргызы, контактировали в XIII – XIV вв. с монголами.

Вторую группу средневекового материала из таёжного Причулымья представляют не менее 48 памятников XIV – XVII вв. (не исключена и более ранняя нижняя дата – вплоть до XII в.). В ней, как и в предыдущем случае, более значителен материал из погребальных комплексов. Около 140 курганов раскопано в 34 курганных могильниках, опорными из которых являются Смолокуровский-I, Тургайский-I-V, Берёзовая Грива, Балагачевский, Большежировский (Нижнее Причулымье), Иловский-II, Тукайский-I, Чердатский, Берегаевский, Тигалдатский, Белоярский-II (Среднее Причулымье). Материал из поселенческих комплексов, к сожалению, невелик. Он выявлен раскопками 1946 – 1970 гг., когда было исследовано не менее 13 объектов, основные из них – Тургайское-I селище, городища Тургайское-I и Ачинское.

Курганные могильники XIV – XVII вв., разбросанные в бассейне Чулыма от его устья на западе до границы с Красноярским краем на востоке, принадлежат одной археологической культуре, что проявляется в общности главных черт погребального обряда, типов керамики и инвентаря. Вместе с тем материалы памятников, представленные даже единичными раскопанными курганами (р. Кия, район устья Яя), возможно говорить о ее локальных отличиях. Возможность более ранней датировки позднесредневековой культуры – XII – XVII вв. предполагает ее сосуществование в границах таёжного Причулымья с поздними этапами среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов. Конкретные исторические события, связанные с населением позднесредневековой культуры, для времени до XVI в. почти не восстановлены. Могильники XVI – XVII вв. у д. Тургай и Балагачево А.П. Дульзон определил как принадлежавшие чулымским тюркам. Этническая характеристика всех памятников культуры будет корректна на фоне обобщённого анализа известного археологического материала X – XVII вв. таёжного Причулымья и других источников (см. ниже).

Более половины из приблизительно 140 исследованных памятников остается за пределами перечисленных 2 групп. Они содержат материал, который пока трудно диагностируется в культурно-хронологическом аспекте. Проведение исследования, целью которого является реконструкция этнокультурных процессов X – XVII вв. в таёжном Причулымье (в частности, особенности формирования и развития чулымских тюрков, выяснение судьбы среднечулымских кыргызов после XIII в.), предполагает выявление на археологическом материале конкретных культурных компонентов и их последующую корреляцию по хронологическому и территориальному признакам. В качестве последнего наиболее оправданно использование принципа территориально-административного разделения по конкретным волостям.

Район таёжного Причулымья, населенный селькупками и чулымскими тюрками, уже с кон. XVI в. вошел в состав русского государства. Приходные ясачные книги Томского уезда, из которых самая ранняя (дошедшая до нас) датируется 1623 г. (Бояршинова, 1950, с. 82), «Чертёжная книга Сибири» С.У. Ремезова, составленная в 1699 – 1701 гг. (Ремезов, 1882) и другие исторические документы содержат сведения о 15 – 18 волостях XVII в. бассейна Чулыма и их приблизительных границах. В нач. 1950-х гг. А.П. Дульзон выявил, что на «среднем Чулыме сохранилось воспоминание о былом наличии кровнородственных групп внутри ясачной волости (управы), носившей ... название «народ» на туземном языке «ион», «тён» или «чон» (диалектные варианты)». Чулымские ясачные волости, по его мнению, объединяли потомков отдельных родоплеменных единиц (Дульзон, 1952, с. 90 – 95).

Общность населения чулымской волости XVII в. уже ретроспективно может в той или иной мере свидетельствовать об общности обитателей ее территории и в более раннее время, вплоть до нач. II тыс. н.э. Картографирование культурных компонентов разных хронологических периодов X – XVII вв., воплощенных в погребальном обряде, керамике и инвентаре, на схематическую карту ясачных волостей позволяет сопоставить их как между собой, так и с более поздними материалами (XVII – XX вв.) – этнографическими, антропологическими, лингвистическими, историческими. Подобный методический прием в идеале предполагает обработку именно массового археологического материала из могильников и поселений, который

бы равно представлял все волости таёжного Причулымья, и их разные хронологические срезы в диапазоне X – XVII вв. Возможности для такой процедуры исследования сегодня нет.

Несмотря на сказанное, перспектива реконструкции этнокультурной истории на основе средневековых археологических источников для таёжного Причулымья сегодня является одной из самых благоприятных по сравнению с сопредельными регионами Западной, Восточной и Южной Сибири. Это обусловлено тем, что в течение долгого времени район активно исследовался этнографами, антропологами, лингвистами, во многом уникальные результаты которых были сконцентрированы в коллективной монографии «Тюрки таёжного Причулымья» (Львова и др., 1991). В плане реконструкции этнокультурных процессов таёжного Причулымья X – XVII вв. сегодня более всего актуально подробное изучение позднесредневековой археологической культуры. Вероятно, её формирование и развитие связано с местными самодийскими, кетскими элементами и пришлыми тюркскими, фиксирующимися, по крайней мере, в X – XIII вв. Выполнение этого исследования позволит на более широком материале вновь рассмотреть вопрос о соотношении среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов и этноса чулымских тюрков.

В.В. БОБРОВ

Кемерово

ПРОСТРАНСТВО АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И АНОМАЛИЯ В КУЛЬТУРЕ

В современной археологической науке одним из наиболее дискуссионных теоретических вопросов является обоснование понятия «археологическая культура». Можно привести достаточно обширный список работ, специально посвященных этой проблеме. Историографический анализ этих работ позволяет определить два основных методологических подхода реализации данной проблемы. Первый основан на традиционных принципах систематики археологических источников, сложившихся в процессе формирования и дальнейшего развития археологии как науки. Второй подход, свойственный отечественной и в первую очередь советской археологии, базируется на историческом содержании, информация о котором заключена в археологических источниках. Оба подхода не противоречат друг другу, а находятся в тесной взаимосвязи между собой.

Следуя процедуре научного исследования, на этапе систематизации археологических источников «археологическую культуру» выделяют по совокупности типичных свойств материальных объектов (орудия, оружие, бытовые предметы, орнаменты и предметы искусства, поселения, жилища, погребальные сооружения и обряд погребения). Непременным условием является их локализация во времени и пространстве. Этот принцип в отечественной археологии был заложен в работах А.А. Спицына, В.А. Городцова, С.А. Теплоухова и других не менее известных исследователей. На этапе изучения исторического содержания «археологической культуры» специалист выступает не столько как археолог, сколько как историк первобытного общества, синтезируя данные смежных гуманитарных наук и данные естественнонаучных исследований, основанные на источниках из археологических памятников. В процессе исторического наполнения археологическая культура выступает как палеоэтническое образование, скрытое за словом «население ...культуры». Для подтверждения этого положения можно было бы провести историографический анализ, а можно привести любую работу, посвященную реконструкции какого-либо конкретного исторического явления. Особо следует обратить внимание на такие проблемы, как различного уровня обмен, культурные связи, экономика и территория жизнеобеспечения, внутренние миграции и др.

При сопоставлении археологической и исторической реконструкции культуры становится достаточно очевидным, что в историческом аспекте пространство, на котором действовало палеоэтническое образование, больше пространства археологической культуры в традиционном понимании дефиниции. Это теоретическое положение получило обоснование на уровне археологических фактов в моем докладе на предшествующем совещании «Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности».

Рассматривая археологическую культуру, как систематизированную модель синхронных однотипных источников и памятников в локализованном пространстве, в её среде иногда встречаются атипичные комплексы. Как правило, они единичные. В данном случае речь идет не о комплексах, представляющих локальные варианты культуры. Примером такого комплекса являются материалы поселения Большой лог в Среднем Прииртышье, которые послужили основанием для выделения локального варианта. А.Я. Труфанов предложил отказаться от такого определения, считая, что, кроме этого памятника, за многие годы исследованной территории не появилось ни одного нового комплекса. Валиковая керамика, составляющая его основу, не типична для материальной культуры данной территории. Культурогенез региона в эпоху поздней бронзы был связан пахомовской, сузгунской и ирменской культурами. Аналогичную ситуацию представляют материалы поселения Шульбинка в Восточном Казахстане. Среди материалов этого памятника значительный комплекс керамики с нетипичной орнаментацией для культурных процессов этой территории. Аналогии ей находятся далеко на севере в памятниках новочекинского типа. Приведенные примеры, а их можно было бы продолжить, – свидетельство исторических явлений (миграция незначительных групп населения, экспедиция за исходным сырьем или обменных операций). И в первом и во втором случае не прослеживается влияние «чужеродных» компонентов в местном культурогенезе. Выявление таких комплексов возможно при условии достаточно